

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.2.2

EDN: ESYVZA

Научная статья

Research article

РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЁНЫХ (середина 1990 – середина 2010-х гг.)

**Аблажей
Анатолий Михайлович¹**

¹ Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования: Аблажей А. М. Российская научная политика в оценках отечественных учёных (середина 1990 – середина 2010-х гг.) // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 2. С. 43–54. DOI 10.19181/smtp.2025.7.2.2. EDN ESYVZA.

Аннотация. В статье исследуется отношение представителей российского научного сообщества к государственной научной политике. Теоретической рамкой исследования стало представление о том, что изучение мнения учёных, активное привлечение членов научного сообщества в качестве экспертов при разработке тех или иных мероприятий в области планирования, управления, финансирования научной деятельности способны оказать существенную помощь при разработке проводимой научной и научно-технической политики. При этом системная бюрократизация научной деятельности, что зачастую происходит сегодня при взаимодействии государства и научного сообщества, неспособна обеспечить реальное управление процессом производства знания, поскольку конечные цели бюрократической системы управления с одной стороны и исследовательского сообщества с другой – не совпадают. Эмпирической основой исследования стали материалы социологического мониторинга академических сообществ научных центров СО РАН в период с 1992 по 2015 г. Результаты проведённого анализа показали, что учёные, как правило, достаточно критично относились к трансформации научной политики в России в переходный к рыночным отношениям период. Итоговый вывод статьи заключается в том, что основной задачей государства должна стать постановка перед научным сообществом стратегических целей. Ярким примером здесь является задача по достижению технологического суверенитета. При этом решение вопросов тактического характера, относящихся к конкретным методам и способам решения подобной задачи, должно оставаться за профессиональным сообществом.

Ключевые слова: научное сообщество, научная политика, технологический суверенитет, оценки, бюрократизация, стратегические цели, мониторинг, способы достижения, механизмы достижения

RUSSIAN SCIENCE POLICY IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN RESEARCHERS (Mid-1990s – Mid-2010s)

Anatoly M. Ablazhey¹

¹ Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk, Russia

For citation: Ablazhey A. M. Russian science policy in the assessments of Russian researchers (mid-1990s – mid-2010s). *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(2):43–54. (In Russ.). DOI 10.19181/smtп.2025.7.2.2.

Abstract. The article examines the attitude of representatives of the Russian scientific community toward the state science policy. The theoretical framework of the study is based on the idea that analyzing researchers' opinions and actively involving members of the scientific community as experts in the development of planning, management and funding can significantly contribute to shaping science and technology policy. At the same time, the systemic bureaucratization of scientific activity – measures for academic activities often observed today in the interaction between the state and the scientific community – cannot effectively govern the process of knowledge production, as the ultimate goals of the bureaucratic management system and those of the research community do not align. The empirical foundation of the study consists of data from a sociological monitoring of academic communities in research centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS) from 1992 to 2015. The results of the analysis showed that researchers were commonly quite critical of the transformation of science policy in Russia during the transition to a market economy. The key conclusion of the article is that the state's primary task should be setting strategic goals for the scientific community. A striking example of this is the objective of achieving technological sovereignty. Meanwhile, tactical decisions – pertaining to specific methods and approaches for accomplishing such tasks – should remain within the purview of the professional scientific community.

Keywords: scientific community, science policy, technological sovereignty, assessments, bureaucratization, strategic goals, monitoring, methods of achievement, mechanisms of achievement

Формирование и реализация эффективной научной (научно-технической) политики является важнейшим условием экономического и социального прогресса современного общества. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, новейшая редакция которой была принята в феврале 2024 г., содержит на этот счёт чёткие указания: «...высокий темп освоения новых знаний и создания наукоёмкой продукции на собственной технологической основе является ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности»¹. Очевидно, что реализация подобной задачи возможна лишь при наличии эффективной научной политики.

С нашей точки зрения, в качестве важнейшего индикатора и фактора её эффективности выступает оценка научной политики самими учёными. Члены национальных научных сообществ, как непосредственные участники процесса

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 12.04.2025).

производства научного знания в условиях данной страны, лучше, чем кто-либо, понимают, какие меры поддержки науки работают успешно, а какие нуждаются в отмене или корректировке. Таким образом, изучение мнений учёных, активное привлечение членов научного сообщества в качестве экспертов при разработке тех или иных мероприятий в области планирования, управления, финансирования научной деятельности способны оказать существенную помощь при разработке проводимой научной и научно-технической политики, прежде всего в части учёта реальных потребностей науки и интересов самих учёных, что, в свою очередь, сделало бы науку гораздо более адекватной задачам сегодняшнего дня.

Показательно, что в большинстве принятых в нашей стране программных документов, формулирующих основные цели и приоритеты государства в области науки и технологий, равно как и исследовательских статьях, посвящённых их анализу, практически никак не упоминается научное сообщество. Т. е. речь почти исключительно идёт об учреждениях, но почти никогда — о людях, там работающих, которые, собственно, и делают науку. Между тем без профессионалов, относящихся к науке как к делу всей жизни, работающих ради достижения высших целей, успех невозможен. В условиях, когда речь идёт о политике, разрабатываемой и реализуемой исключительно бюрократическими методами, вполне возможно возникновение ситуации, когда успех в виде получения нового знания или создания прорывной технологии происходит не «благодаря», но «вопреки». Между тем главная задача государства и общества в сфере научной политики состоит прежде всего в «повышении степени влияния науки на развитие общества. Для наиболее эффективного выполнения данной задачи необходимо правильно определять специфику как институционального устройства науки, так и тех принципов, по которым осуществляется функционирование учёных вплоть до аспектов их ежедневной практики» [1, с. 104]. По нашему мнению, успешное решение подобной задачи невозможно без анализа и дальнейшего учёта мнения самих учёных.

Исследователи науки неоднократно отмечали, что статистические данные релевантны, как правило, тогда, когда речь идёт о прямых затратах, например, объёме средств, потраченных на приобретение нового научного оборудования или химических реактивов. Однако они наверняка не могут быть приняты в качестве корректного показателя при оценке интенсивности и эффективности научного труда. Без глубоко личностного переживания, восприятия выполняемой работы как средства профессионального и личностного самоутверждения достичь успехов в науке вряд ли возможно. Другими словами, системная бюрократизация научной деятельности, что по факту зачастую и происходит сегодня при взаимодействии государства и научного сообщества, неспособна обеспечить *реальное управление процессом производства знания*, поскольку конечные цели бюрократической системы управления с одной стороны и исследовательского сообщества с другой — не совпадают.

Анализируя эмпирические результаты крупномасштабного исследования российского научного сообщества, проведённого в начале 2010-х гг., его авторы пришли к выводу о том, что «если органы власти, ответственные за разработку и реализацию научной политики, принимают решения кулуарно, не учитывая

мнения тех, кто непосредственно занимается исследованиями, не обеспечивают разъяснения её целей и ожидаемых эффектов, преемственности с предшествующими инициативами, то здесь вряд ли удастся добиться ощутимых успехов» [2, с. 166]. Те же авторы заявляют далее о «подчинённом положении» научной политики в России «по отношению к действиям государства в других сферах, а продекларированные задачи не решаются либо выполняются не в полном объёме» [2, с. 190]. Прописанные в государственных программах мероприятия «плохо разъясняются, лоббируются, пропагандируются в научном сообществе и среди населения. ...научной политике по-прежнему недостаёт “веса”, комплексности, преемственности, последовательности» [Там же, с. 190]. И. Г. Дежина также выражает уверенность в том, что «мнение научного сообщества в процессе разработки новых управленческих решений учитывается мало или не учитывается совсем. Это в том числе наглядно демонстрируют характер проведения реорганизации научных фондов или многолетние обсуждения негативных эффектов публикационной гонки» [3, с. 144]. Между тем в современных условиях, когда перед научно-технологическим и научно-образовательным комплексом страны поставлена задача достижения технологического суверенитета, необходимым условием её успешного решения становится изменение научной политики, что невозможно без налаживания обратной связи между государством и обществом с одной стороны и научным сообществом с другой.

Сформировавшееся с начала 1990-х гг. скептическое отношение научного сообщества к проводимой государством политике в области науки распространялось на большинство вопросов, так или иначе связанных с научной сферой. Уже первые социологические исследования российского научного сообщества (на примере институтов Новосибирского Академгородка) показали, что исследователи в большинстве своём (как рядовые сотрудники, так и руководители разного уровня) критически относились к научной политике, обусловленной переводом экономики страны на рыночные принципы. Результаты, полученные в ходе исследований, проведённых в 1992–1995 гг., убедительно подтверждали этот тезис: «...рядовые сотрудники в значительной своей массе уверены в том, что оставлены государством в лице его правительства на произвол судьбы <...> руководители на уровне замдиректоров, директоров, заведующих отделами, лабораториями думают так же...в целом негативная оценка политики Правительства в отношении науки характерна для 87% учёных-руководителей» [4, с. 39]. И далее: «...продуманная, психологически взвешенная оценка настоящего положения дел в академической науке неутешительна. Большинство уже не ожидает ничего со стороны высшего руководства. Все делают ставку сегодня только на собственные силы» [Там же, с. 51].

Ярким подтверждением критического отношения учёных к проводимой государством политике в области науки в середине 1990-х гг., когда стратегические цели стали в целом понятными, оказались и ответы на вопрос о том, каково отношение государственных органов к науке в России. В ходе первого массового социологического исследования научного сообщества Новосибирского Академгородка безусловно положительный вариант ответа – «государство принимает все возможные усилия, чтобы сохранить науку», выбрали менее 3% участников опроса, тогда как отрицательный вариант – «прослеживается

политика, направленная против развития науки» – оказался подходящим почти для четверти респондентов. Чуть менее жёсткий вариант ответа, но также ярко характеризующий отношение учёных к действиям правительства в сфере управления наукой, а именно «государство недооценивает науку и практически бросило её на произвол судьбы», выбрало уже подавляющее большинство ответивших – более 70%².

Массовые социологические исследования, проведённые в Академгородке по сходной методике в 1999 и 2004 гг., показали, что скептическое отношение исследователей к политике, проводимой государством по отношению к науке, на протяжении этого периода практически не изменилось. На мизерные доли – до 3,7% в 1999 г. и чуть более 4% в 2004 г. – выросло число респондентов, выбравших вариант ответа «государство предпринимает все возможные усилия, чтобы сохранить науку». Одновременно немного увеличилась доля научных сотрудников, по мнению которых «прослеживалась политика, “направленная против развития науки”». Немногим меньше стало тех, кто склонялся к тому, что государство недооценивает науку и «практически бросило её на произвол судьбы». По мнению экспертов, если оценивать российскую научную политику в этот период в целом, то следует признать, что она «отличалась бросающейся в глаза непоследовательностью, частой и резкой сменой своей направленности, несистемностью и недостаточной продуманностью» [5, с. 36].

Можно предположить, что с течением времени учёные раз за разом убеждались в том, что возврата к прежней системе организации научной деятельности не будет, а новая их не устраивала по целому ряду параметров. Понятно, что в таких условиях выяснять, а тем более учитывать мнение научного сообщества о проводимой научной политике не просто не нужно, но чревато непредвиденными осложнениями. Именно эти соображения лежат в основе того, что в современных условиях исследователи практически исключены из процесса обсуждения и принятия решений в области планирования и управления наукой.

Между тем Федеральный закон «О науке и научно-технической политике» (далее – Закон о науке), принятый в 1996 г., содержит несколько статей, которые специально оговаривают необходимость участия самих учёных в разработке научной политики. В Законе о науке неоднократно подчёркивается, что выбор приоритетных направлений развития науки и технологий относится к прерогативам высших органов исполнительной власти страны, но одновременно говорится про важность участия в этом процессе профессионального научного сообщества. В ст. 11, где раскрываются основные цели и принципы государственной научно-технической политики, сказано, что одним из таких принципов является «гласность и использование различных форм общественных обсуждений при выборе приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и экспертизе научных и научно-технических программ и проектов,

² Автор сознательно ограничил эмпирическую базу статьи материалами по Сибирскому отделению РАН, стремясь использовать результаты только тех исследований, в которых он принимал личное участие.

Здесь и далее данные взяты из следующих источников: Гордиенко А. А., Ерёмин С. Н., Плюснин Ю. М. Социальные характеристики научного сообщества Новосибирского Академгородка : сборник таблиц. Новосибирск, 1997. 167 с.; Гордиенко А. А., Ерёмин С. Н., Плюснин Ю. М. Социальные характеристики научного сообщества Новосибирского Академгородка в 1999 г. : сборник таблиц. Новосибирск, 1999. 96 с. Материалы исследования 2004 г. обработаны, но не опубликованы и находятся в личном архиве автора статьи.

реализация которых осуществляется на основе конкурсов»³. Этот принцип ещё раз подтверждается в ч. 3 ст. 13 Закона о науке, посвящённой вопросам формирования государственной научно-технической политики. Её текст содержит прямое указание на то, что «определение основных направлений государственной научно-технической политики, научно-техническое прогнозирование, выбор приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, разработка рекомендаций и предложений о реализации научных и научно-технических программ и проектов, об использовании достижений науки и техники осуществляются в условиях *гласности, с использованием различных форм общественных обсуждений, экспертиз и конкурсов*»⁴ (курсив мой. – А. А.). По мнению авторов Закона о науке, лишь при этом условии государство может гарантировать «субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок»⁵.

Наука в России, в первую очередь фундаментальная, всегда находилась и находится сейчас в жёсткой зависимости от государства. В 1996 г. исследователи из академических институтов Новосибирского научного центра, оценивая роль различных источников финансирования в обеспечении деятельности подразделения, где работает респондент, в качестве важнейшего выбрали именно государственный бюджет. Существенно уступали ему такие источники, как отечественные гранты, договорные темы и продажа интеллектуальной продукции на рынке, а также зарубежные гранты, т. е. те виды финансирования, которые предполагали какие-то конкурсные процедуры и которые в целом можно обозначить как рыночные. Понятно, что в подобных условиях вопрос о характере проводимой государством политики в отношении науки приобретал стратегический характер, от этого зависело само существование в стране науки, прежде всего фундаментальной, как социального института.

Опыт перехода науки на рыночные рельсы показал, что существенная часть исследователей с трудом адаптировалась к новой реальности, в которой оказалось научное сообщество. В частности, в течение целого ряда лет исследователи продолжали неоднозначно (а скорее, в основном негативно) оценивать систему грантов, которая активно внедрялась в структуру исследовательской деятельности в качестве способа финансирования исследований, в известном смысле альтернативного традиционному поступлению средств из государственного бюджета. В 1996 г. в Новосибирском Академгородке доля учёных, которые однозначно положительно оценили бы её («эффективна для науки в целом»), составила чуть более 24% от числа опрошенных. Немногим меньшей была доля тех, кто оценил систему грантов однозначно негативно («неэффективна для науки в целом») – 23% опрошенных. Учитывая специфику внедрявшейся в российской науке системы конкурсного финансирования исследований, прежде всего малый, как правило, размер грантов, неудивительно, что исследователи считали новый принцип финансирования исследований гораздо

³ Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и научно-технической политике» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/135919/> (дата обращения: 14.04.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

более эффективным для фундаментальной, чем для прикладной науки: 20,3% против 6,5% ответивших. Наконец, 26% респондентов вообще затруднились ответить что-то определённое на этот вопрос, что, скорее всего, свидетельствовало об отсутствии опыта общения с фондами, выделявшими гранты для проведения исследований. Негативно научные сотрудники академических НИИ оценивали и усилия по выводу на рынок результатов научных исследований. Когда респондентов попросили высказать мнение о том, существует ли на государственном уровне продуманная стратегия создания сферы малого бизнеса, ориентированного на коммерциализацию научных разработок, подавляющее большинство из них (более 97%) оценили усилия государства в этой сфере крайне скептически. Так же негативно оценивалась и деятельность РАН в области коммерческого использования научных разработок.

Спустя восемь лет ситуация если и изменилась в лучшую сторону, то ненамного. В 2004 г. лишь чуть более 12% респондентов согласились с тем, что система предоставления грантов российскими и зарубежными фондами отвечает долгосрочным интересам российской науки. Напротив, почти 64% научных сотрудников выразили уверенность в том, что фонды на самом деле выполняют задачу ситуативного выживания науки (и следовательно, от неё можно легко отказаться при благоприятных обстоятельствах, например, в случае изменения вектора государственной научной политики). Ещё 8% опрошенных вообще были уверены, что финансирование науки должно осуществляться преимущественно из государственного бюджета. Наконец, по-прежнему высокой оставалась доля тех, кто не смог выразить определённого мнения – 16% опрошенных.

Пожалуй, единственным периодом в постсоветской истории, когда отношение учёных к проводимой государством политике в области науки было в целом благоприятным, стали вторая половина 2000-х – начало 2010 гг. К этому времени планирование и организация научных исследований, принципы и способы их финансирования, оценки продуктивности и эффективности стали существенно иными по сравнению с предшествующим периодом. Наука научилась работать в рыночных условиях, наработала опыт успешной адаптации к меняющемуся социальному, управленческому и экономическому контексту [6, с. 22]. Результаты исследований, проведённых нами в этот период, убедительно доказывали, что большинство учёных выражали уверенность в поступательном развитии как конкретных академических НИИ, так и научных центров в целом. Вместе с тем постоянно подчёркивалось, что подобная траектория развития возможна при обязательном соблюдении одного из главных условий – отсутствии резких перемен курса государственной политики по отношению к академическому сектору науки.

Всё изменилось после 2013 г. Весьма симптоматичной стала реакция Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ (совещательного и экспертного органа, созданного при профильном министерстве по инициативе тогдашнего руководителя ведомства Д. В. Ливанова⁶) на начало радикальной реформы РАН 2013 г. Через несколько дней после памятного заседания правительства, обсуждавшего основные направления реформы, последовало заявление Совета,

⁶ При создании Совета министр Д. В. Ливанов утверждал, что он «получит право решающего голоса при принятии ключевых, стратегических решений, а Министерство готово использовать принцип “двух ключей”, когда решения будут приниматься после согласования с Советом» [7, с. 104].

в котором особо подчёркивалось, что «закон, коренным образом меняющий систему организации науки в Российской Федерации, готовился и рассматривался без обсуждения с научной общественностью. Совет по науке, созданный Министерством образования и науки для консультаций с представителями научного сообщества, не только не привлекался для обсуждения проекта этого закона, но даже не был проинформирован о его существовании. <...> Считаем необходимым проведение обсуждения этого проекта научным сообществом»⁷. Напомним, что последующее обсуждение проекта закона, сопровождавшееся массовыми выступлениями научной общественности, привело к заметному смягчению наиболее радикальных пунктов этого документа. Тот же Совет по науке на фоне дискуссий о реформе РАН и ссылаясь на опыт передовых в научном отношении стран, сделал ещё одно примечательное заявление о том, что «наиболее эффективным методом управления научными исследованиями является самоуправление научного сообщества; лишь это сообщество способно выдвигать из своей среды специалистов, обладающих необходимым научным авторитетом и специфическими навыками управления наукой, которые невозможно приобрести за его пределами»⁸. Ту же мысль повторили молодые учёные-физики в «Открытом обращении» к руководству страны: «...современной российской науке нужны не громкие преобразования, а тонкая настройка всего механизма организации исследований. <...> Учёт экспертного мнения научного сообщества не только позволит скорректировать и наполнить конкретным содержанием общие программы развития, но и обеспечить само развитие, через реализацию продуманных программ»⁹. История российской науки последних десятилетий выступает яркой иллюстрацией того положения, что реформирование науки вопреки мнению самих учёных приводит к отсутствию «доверия между научным сообществом с одной стороны и органами управления научной деятельностью с другой, а также неудовлетворительн<ому> уров<ню> их коммуникации» [8, с. 111].

Проведённое нами спустя два года после начала реформы исследование мнений экспертов о состоянии научной политики показало, что целый ряд нововведений вызывали негативную или, в лучшем случае, настороженную реакцию профессионального научного сообщества. Ярким примером подобной позиции может послужить интервью, взятое нами в одном из институтов Иркутского научного центра осенью 2015 г.¹⁰ Сложность формирования эффективной

⁷ Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ, 27.06.2013 // Совет по науке при Министерстве образования и науки Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://sovet-po-nauke.ru/info/27062013-declaration> (дата обращения: 12.04.2025).

⁸ Совместное заявление Совета по науке и Общественного совета МОН, 30.06.2013 // Совет по науке при Министерстве образования и науки Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://sovet-po-nauke.ru/info/30062013-declaration> (дата обращения: 13.04.2025).

⁹ Открытое обращение молодых научных сотрудников Отделения физических наук Российской академии наук к руководству Российской Федерации, Российской академии наук и Федерального агентства научных организаций // Реорганизация Российской академии наук 2013 : [сайт]. 2014. 10 сентября. URL: <http://saveras.ru/archives/10234> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁰ Текст данного интервью был использован прежде всего потому, что в нём наш собеседник затронул, по мнению автора статьи, наиболее острые проблемы, стоявшие на тот момент перед научными сотрудниками академических институтов в контексте радикальной реформы РАН. Текст интервью взят из личного архива автора. К сожалению, после 2015 г. возможности проведения масштабных социологических исследований в научных центрах СО РАН для автора резко сократились, что не позволило использовать более свежие социологические данные.

научной политики, по мнению нашего собеседника, заключается в том, что «здесь неразрывно связаны вопросы управления собственностью – эффективность управления ею, и научные вопросы». Другими словами, стандартные приёмы управления, работающие на уровне классических рыночных схем, здесь не работают. Не менее настораживающим фактором наш собеседник назвал усиление тенденции к формализации научной деятельности: «Крайне беспokoящий фактор – это возможность сведения деятельности институтов к чисто формальным показателям, это чем дальше, тем больше мы видим, и если всё это будет просто включено как основополагающий вектор управления наукой, это совершенно недопустимо». Между тем главным итогом реформы 2013 г. стало создание новой системы управления наукой, в основу которой была положена «совершенно бюрократическая формулировка этой реформы, которая ну никак не могла соответствовать [ожиданиям академического сообщества]. Она не разрешает ни одну из проблем, которые мы видим, а вполне способна создать новые». Его резюме в этой связи: «Бюрократическое решение – оно всегда не решение, никогда не решение».

Не менее остро наш собеседник воспринял стремление министерства выделить из общей массы научных сотрудников только ведущих учёных (причём сделать это на основе применения формальных показателей результативности) и переориентировать финансирование науки преимущественно на их нужды. По мнению эксперта, это недопустимо, тем более, когда речь идёт о крупных институтах с большим объёмом научного оборудования: «Что ещё может вызывать очень серьёзные опасения и что, к сожалению, было инициировано [некоторыми представителями] научной среды, – это переводение системы финансирования науки на финансирование [небольшого] коллектива или даже отдельного учёного». Речь в данном случае идёт не о проектном финансировании, а об искусственно выделенной группе ведущих учёных. Между тем очевидно, что существование такой группы невозможно без наличия более широкого сообщества, общение и опора на которое являются залогом появления крупных или выдающихся исследователей. Тем более, если речь идёт об экспериментальной науке.

Одно из базовых преимуществ советской научной политики и системы управления наукой в Советском Союзе, по мнению эксперта, заключалось в том, что «наукой было кому управлять, науке могли быть сформированы государственные задачи, эти государственные задачи могли быть людьми оценены абсолютно неформально, по критериям дела, а не по бумажным критериям». По мнению нашего собеседника, важнейшая задача сегодня состоит в необходимости выработки неформальных критериев отбора актуальных научных тем и проектов. Но такие «неформальные [критерии] выработать, вообще говоря, они [управленцы] должны коллегиально, формулироваться компетентными людьми, экспертами, на уровне правительства».

Важным моментом, прозвучавшим в интервью, стала идея отказа от идеи привлечь к разработке российской научной политики зарубежных экспертов, которые могли бы предложить работающую схему правильно устроенной и эффективно работающей науки: «Если до этого нам говорили “Вы вообще ничего не стоите, пока не приехал человек из-за рубежа и не сказал, что вас

надо оставить”, то сейчас, по крайней мере, такие разговоры прекратились. Привезти квалифицированного научного сотрудника из-за рубежа, который бы здесь поделил всех на чистых и нечистых – по крайней мере, такие идеи пропали. Мне кажется, что это, по крайней мере, ну совершенно точно, подвигает правительство думать в несколько другую сторону при формулировке критериев эффективности науки, что в любом случае положительно».

Наконец, наш собеседник высказал осторожный оптимизм относительно перспектив развития сферы фундаментальных исследований в России. По его словам, есть надежда на позитивную эволюцию приёмов и методов управления наукой: «Реформа – всё равно плохо, в том виде, в каком она проводится, но время купирует самые негативные задумки в этом направлении, до конца купировать их невозможно, но будем надеяться, что радикальные решения в этой сфере всё-таки смещаются чуть-чуть в правильную сторону».

На наш взгляд, усиленная бюрократизация науки является ярким показателем кризиса во взаимоотношениях науки и государства, науки и общества. При отсутствии универсальных показателей, устраивающих как государство, выделяющее средства для финансирования науки, так и самих учёных, уверенных в том, что лучше, чем они, нужды науки никто оценить не может, первое (т. е. государство в лице соответствующих ведомств) выбирает формальный путь. Как справедливо отмечают эксперты, «правительственные структуры... желая *выглядеть* ответственно перед налогоплательщиками, могут вводить понятные неспециалистам, но не отражающие содержания научных достижений “объективные” целевые показатели, якобы представляющие масштабы производства научных знаний и их качество. <...> [которые] так или иначе базируются на количестве публикаций и патентов... а также числе цитирований» [9, с. 22; курсив источника. – А. А.]. Все возражения учёных относительно того, что подобные показатели носят исключительно формальный характер и не способны ни показать истинное состояние науки в стране, ни мотивировать учёных к усилению эффективности научного труда, не стали аргументом при принятии тех или иных решений. Проведённые нами исследования ясно показали, что без налаживания механизма обратной связи с профессиональным научным сообществом разработка и реализация эффективной научной политики вряд ли возможны. Так, например, резко сократив число научных фондов, государство сегодня фактически лишило значительную часть научных сотрудников возможности поиска и использования дополнительного финансирования исследований, усилив тем самым скепсис научного сообщества в отношении проводимой в области науки политики.

Опыт проведения реформ в российской научной сфере показал, что научная сфера, в отличие от многих других, крайне консервативна и инерционна и не поддаётся быстрым изменениям. Революционные преобразования институционального устройства науки, равно как и революционные научные открытия, отнюдь не всегда успешны и с большим трудом принимаются научным сообществом. В современных условиях явно не хватает структуры, подобной Совету по науке при профильном министерстве, работавшему с 2013 по 2018 гг., который стал удачным примером коллегиальной структуры, способной выступить связующим звеном между государством и научным сообществом,

не становясь при этом ещё одной бюрократической единицей, решающей узкие лоббистские задачи.

Очевидно, что основной задачей государства должна стать постановка перед научным сообществом стратегических целей. Ярким примером здесь может быть установка на достижение технологического суверенитета. При этом решение вопросов, относящихся к конкретным методам и способам решения подобной задачи, должно оставаться за профессиональным сообществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Куслий П. С., Вострикова Е. В.* Деньги на науку: социально-экономические проблемы финансирования научного поиска // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55, № 1. С. 99–119. DOI 10.5840/eps201855111. EDN YUCEGQ.
2. *Научная политика: глобальный контекст и российская практика* / Л. М. Гохберг, С. А. Заиченко, Г. А. Китова, Т. Е. Кузнецова. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. 308, [4] с. ISBN 978-5-7598-0791-9. EDN YSDWGB.
3. *Дежина И. Г.* Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // *Социологический журнал*. 2023. Т. 29, № 2. С. 132–149. DOI 10.19181/socjour.2023.29.2.10. EDN FDBFDA.
4. *Плюснин Ю. М., Гордиенко А. А.* Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России: социально-психологический аспект : мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1992–1995 гг. Новосибирск : Новосибирский городской центр занятости населения, 1995. 60 с. EDN XGADGV.
5. *Семёнов Е. В.* Концептуальные основы государственной научной политики в постсоветской России // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2008. Т. 3, № 1. С. 12–37. EDN JWQTWB.
6. *Аблажей А. М.* Академические сообщества научных центров Сибирского отделения РАН: по материалам исследований 2009–2010 годов // *Социология науки и технологий*. 2012. Т. 3, № 1. С. 14–23. EDN OWKWUL.
7. *Борзова Ю. П.* Совет министерства образования и науки Российской Федерации по науке: особенности организации и деятельности // *Наука. Инновации. Образование*. 2014. Т. 9, № 1. С. 100–109. EDN SGSMSH.
8. *Положихина М. А.* Неоднозначные итоги реформирования российской науки // *Экономические и социальные проблемы России*. 2019. № 2 (40). С. 100–138. DOI 10.31249/espr/2019.02.05. EDN FYNTCU.
9. *Тамбовцев В. Л.* Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // *Управление наукой: теория и практика*. 2020. Т. 2. № 1. С. 15–39. DOI 10.19181/sntp.2020.2.1.1. EDN TRTGPL.

REFERENCES

1. Kusliy P. S., Vostrikova E. V. Money for science: Social-economical problems of funding scientific research. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(1):99–119. (In Russ.). DOI 10.5840/eps201855111.
2. Gokhberg L. M., Zaichenko S. A., Kitova G. A., Kuznetsova T. E. Science policy: Global context and Russian practice [Nauchnaya politika: global'nyi kontekst i rossiiskaya praktika]. Moscow : HSE Publishing House; 2011. 308, [4] p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-0791-9.

3. Dezhina I. G. Russia's science policy in 2018–2022: Controversial signals. *Sociological Journal=Sotsiologicheskii Zhurnal*. 2023;29(2):132–149. (In Russ.). DOI 10.19181/socjour.2023.29.2.10.
4. Gordienko A. A., Plusnin Yu. M. The scientific community of Akademgorodok during the transformation of Russia's public life: Socio-psychological aspect [Nauchnoe soobshchestvo Akademgorodka v period transformatsii obshchestvennoi zhizni Rossii: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt] : A monitoring of the socio-psychological state of research teams at the Novosibirsk Scientific Center (1992–1995). Novosibirsk : Novosibirsk City Employment Center; 1995. 60 p. (In Russ.).
5. Semenov E. V. Conceptual basis of the S&T policy in post-Soviet Russia. *International Organisations Research Journal*. 2008;3(1):12–37. (In Russ.).
6. Ablazhey A. M. Academic communities of the scientific centers of the Siberian Branch of RAS: Based on research findings 2009–2010. *Sociology of Science and Technology*. 2012;3(1):14–23. (In Russ.).
7. Borzova Yu. P. Council of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for Science: Features of the organization and activity. *Science. Innovations. Education*. 2014;9(1):100–109. (In Russ.).
8. Polozhikhina M. A. Ambiguous overall results in reforming of Russian science. *Economic and Social Problems of Russia=Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*. 2019;2(2):100–138. (In Russ.). DOI 10.31249/espr/2019.02.05.
9. Tambovtsev V. L. Validity of Russian science policy's instruments: What the world's experience says. *Science Management: Theory and Practice*. 2020;2(1):15–39. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2020.2.1.1.

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 12.05.2025.
Принята к публикации / Accepted 31.05.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аблажей Анатолий Михайлович ablazhey63@gmail.com

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник,
Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
SPIN-код: 3141-3406

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly M. Ablazhey ablazhey63@gmail.com

Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS,
Novosibirsk, Russia
ORCID: 0000-0003-3693-8845
Scopus Author ID: 57204803083
Web of Science ResearcherID: D-4506-2018